

К вопросу о славянах в Крыму

Е. В. Веймарн, С. Ф. Стржелецкий

Вопрос о славянах в Крыму, давно привлекавший к себе внимание историков и вызвавший в историографии немало споров, в настоящее время приобрёл особую актуальность. Выступления И. В. Сталина по вопросам языкознания раскрыли широкие перспективы перед исследованиями в области происхождения и развития племён и народов, в том числе и тех, которые издавна населяли Северное Причерноморье. В вопросе о происхождении и развитии северо-причерноморских киммерийцев, тавров, скифов и др., об их взаимоотношениях со славянами особую пуганицу внёс Н. Я. Марр. Одним из запутанных является и вопрос о славянах в Крыму.

В настоящее время в историографии представлены три основных мнения по вопросу о славянах в Крыму. Одно из них ведёт начало от дореволюционной дворянско-буржуазной историографии, полагавшей, что славяне проникли на территорию Крыма лишь в IX—X вв. н. э. Второе мнение осно-

вывается на «теориях» акад. Н. Я. Марра. Защитники этой точки зрения пытались обосновать тезис об автохтонном, стадиальном развитии славян в Крыму на основе скифо-сарматского населения. Наконец, имеется мнение о появлении славян в Крыму в результате постепенного их проникновения, начиная с первых веков н. э., при наличии тесных связей Крыма с коренными славянскими областями, в результате чего Крым вошёл в состав территории древнерусской народности.

Мнение о появлении славян в Крыму лишь в IX—X вв., не учитывающее предшествующего развития славян и их роли в истории Северного Причерноморья, является явно устаревшим, противоречащим всему тому, что мы знаем сейчас о древних судьбах славян на восточноевропейской равнине. В основе этой старой точки зрения лежала «норманская теория» происхождения Руси и русской государственности, отрывавшая Русь от предшествующего разви-

тия славянских племён Восточной Европы. Историки XIX — начала XX в. рассматривали проникновение Руси в Крым как результат завоевательной политики древнерусского государства. Основной причиной этого проникновения, по мнению дворянско-буржуазных историков, было стремление к грабежу и разбою¹. Следует указать, что эта точка зрения ещё не изжита в полной мере в работах некоторых советских историков. Так, в своей работе, посвящённой истории Херсонеса в XI—XIV вв., А. Л. Якобсон справедливо отмечает, что история Херсонеса неразрывно связана с историей Тавриды и Северного Причерноморья², и считает, что «...почва для этого была подготовлена в предшествующем столетии: русские походы в Тавриду и Константинополь в IX в. (839, 860, 867—868 гг.) в значительной степени, можно думать, были связаны с русскими интересами в Тавриде и, в первую очередь, с летописною Корсунью»³. В другом месте этой работы, перечисляя различные племена и народы, сыгравшие значительную роль в истории Херсонеса и Крыма начиная с V по IX в., А. Л. Якобсон о славянах даже не упоминает⁴.

Другая, столь же ошибочная точка зрения на вопрос о появлении славян в Крыму оформилась среди некоторых историков и археологов под влиянием антинаучных «теорий» акад. Н. Я. Марра. В свете этих «теорий» появление славян в Крыму рассматривалось как результат стадийного процесса, вследствие которого древнее коренное население Крыма — тавры и скифы — якобы превратилось в славян.

Подобная точка зрения развивается в течение ряда лет П. Н. Шульцем. В 1946 г. подводя итоги двух лет работы возглавляемой им археологической экспедиции, П. Н. Шульц писал: «Работы экспедиции убеждают в том, что Крым в древнее время не стоял в стороне от великого процесса формирования славянских народов. Скифы Крыма сыграли свою роль в сложении русской народности, русской культуры и государственности. Недаром же Неаполь Скифский в сказании об известном чуде святого Стефана Сурожского именуется «Новгород Русьский».

Итак, тавро-скифская экспедиция добыла науке немало новых данных в пользу правдивости того положения, что скифы яв-

ляются предками славян и что Крым, следовательно, издавна принадлежал нашим предкам»⁵.

Как мы увидим ниже, Крым действительно входил в состав территории древнерусской народности, однако совсем не по тем причинам, о которых пишет П. Н. Шульц. Скифы — это не предки славян. Они принадлежали к числу североиранских племён, родиной которых являлись степи Северного Причерноморья и Поволжья⁶. Один лишь Н. Я. Марр пытался доказать, что скифы — это предки славян. Он считал, что скифы говорили на «яфетическом» языке — якобы стадийном предшественнике славянской речи, — а иранский язык у скифов был языком лишь высшего класса.

В 1947 г. П. Н. Шульц писал о результатах этой же экспедиции следующее: «В культуре поздних скифов удалось установить множество фактов, свидетельствующих о родственной связи со стариннейшими памятниками славянской культуры, с современным украинским народным художественным ремеслом»⁷.

После опубликования «гениальных трудов И. В. Сталина по вопросам марксизма в языкознании П. Н. Шульц остаётся на тех же позициях: «Как крымские, так и приднепровские поздние скифы, тесно связанные между собой, составляли основное ядро населения скифского государства. И тех и других мы вправе рассматривать как одну из южных групп протославянских племён, входивших в состав скифского народа». Он подкрепляет это своё утверждение ссылкой на средневековых авторов: «Средневековые авторы называют тавро-скифами местное население Северного Причерноморья, в том числе и Крыма, и распространяют этот термин на восточных славян»⁸.

Совершенно очевидно, что подобная точка зрения является разновидностью вульгаризаторских и упрощенческих взглядов Н. Я. Марра в области истории. Хотя П. Н. Шульц справедливо критикует В. И. Равдоникаса за освещение последним в 1932 г. истории Северного Причерноморья и Крыма с позиций марровского «учения» о

⁵ П. Шульц. Тавро-скифская археологическая экспедиция в Крыму. «Советский Крым» № 2, стр. 116. Симферополь. 1946.

⁶ См. М. Аргамонев. К вопросу о происхождении скифов. «Вестник древней истории» № 2 за 1950 г., стр. 37—47.

⁷ П. Шульц. Раскопки Неаполя Скифского в 1946 р. «Археологічні пам'ятки». Т. II, стр. 128. Київ. 1947. В изданиях АН СССР эти же положения изложены автором в затухиванной форме. См. его работы: «Тавро-скифская экспедиция». «Известия АН СССР», серия истории и философии. Т. IV, в. 3. 1947, стр. 291—292; ср. Краткие сообщения Института истории материальной культуры, в. 21. 1947, стр. 21.

⁸ П. Шульц. Историко-археологические исследования в Крыму (1920—1950 гг.). Журнал «Крым» № 6 за 1950 г., стр. 152.

¹ См. Е. Голубинский. Христианство в России до Владимира святого. Журнал Министерства народного просвещения. Ч. CLXXXVII. СПб. 1876, стр. 69, 70—71; Е. Иванов. Херсонес Таврический. Известия Таврической учёной архивной комиссии. 46. Симферополь. 1912, стр. 92—93; А. Васильев. Готы в Крыму. Известия государственной Академии истории материальной культуры. Т. V, стр. 226—227.

² А. Якобсон. Средневековый Херсонес. Материалы и исследования по археологии СССР № 17, стр. 5 и 9. М.—Л. 1950.

³ Там же, стр. 11.

⁴ Там же, стр. 5.

языке⁹, сам он по настоящий день допускает здесь серьёзные ошибки.

Понятно, что подобная теория не может быть подкреплена ни фактическим археологическим материалом, ни известными древних писателей. Отождествление скифского города в Крыму, Неаполя Скифского, с Новгородом Великим, упомянутым в житии Стефана Сурожского, является совершенно произвольным. Столь же произвольны и несерьёзные другие аргументы П. Н. Шульца.

Так, П. Н. Шульц пишет: «В характере городищ, жилищ, посуде, деревянной резьбе, орнаменте (крымских скифов.— Е. В. и С. С.) намечен ряд точек соприкосновения с культурой древних славян, с русским и украинским искусством»¹⁰. Следует учесть, что за исключением небольшого участка Неаполя Скифского мы не имеем ни одного раскопанного скифского городища на территории Крыма. Нет ни одного скифского жилища, раскопанного в Крыму, которое всерьёз можно было бы сопоставить с жилищем славян. Обычай изображать голову лошади или какого-нибудь другого животного на коньке крыши, обнаруженный П. Н. Шульцем в Неаполе Скифском, отнюдь не ведёт нас обязательно к славянам, потому что такой обычай был распространён в древности у многих народов и племён.

В другой работе П. Н. Шульца упоминаются скифские глиняные жаровни для выпечки лепёшек и имеется ссылка на то, что подобные же жаровни встречаются в раннеславянских городищах Приднестровья и в быту у крестьянского населения современной Югославии¹¹.

Этим, по существу, и исчерпывается материал, приведённый в доказательство происхождения крымских славян от скифов. Мы вполне разделяем точку зрения А. В. Арциховского, который говорит: «...археология знает надёжные археологические признаки: это племенные наряды и некоторые культовые явления и т. д. Выискивать их, конечно, труднее, чем определять языковые группы прямо по керамике или по типам жилищ. Смешение этих общекультурных признаков с этническими одинаково характерно для буржуазных археологов и для марристов»¹².

⁹ См. В. Равдоникас. Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадийным развитием Северного Причерноморья. «Известия Государственной Академии истории материальной культуры». Т. XII. 1932, стр. 5 и сл.

¹⁰ «Краткие сообщения Института истории материальной культуры», в. XXI, стр. 21.

¹¹ См. П. Шульц. Тавро-скифская экспедиция. «Известия АН СССР», серия истории и философии, т. IV, в. 3. 1947, стр. 281.

¹² А. Арциховский. Пути преодоления влияния Марра в археологии. Тезисы докладов на сессии отделения истории и философии АН СССР и пленуме Института истории материальной культуры, посвящённых итогам археологических исследований 1946—1950 гг., стр. 28. М. 1951.

Переходим к разбору третьего из указанных выше мнений о появлении славян в Крыму, которое нам представляется наиболее правильным.

Классические труды И. В. Сталина по вопросам языкознания показали антинаучность построений Н. Я. Марра и явились базой для пересмотра многих основных вопросов истории нашей Родины, в том числе и истории Крыма. Советская историческая наука отбросила антимарксистские построения Марра и наметила основные пути исследований в области происхождения славян. Краеугольным камнем в установлении времени сложения славянских племён и их языка является указание И. В. Сталина о том, что «элементы современного языка были заложены еще в глубокой древности, до эпохи рабства»¹³.

Таким образом, совершенно ясно, что славяне и славянский язык в I тысячелетии до н. э. уже существовали. Древние славянские, или «праславянские», племена были современниками скифов. Уже тогда они заселяли обширные области Средней и Восточной Европы, от верхнего течения Одера на западе до среднего, а возможно, и верхнего течения Днепра на востоке¹⁴. В конце I тысячелетия до н. э. и в начале н. э. в число славянских племён входили племена днепровского правобережья, позднее известные нам под именем антов¹⁵. В этот период в процессе скрещивания разноязычных племён славянские племена ассимилируют ряд соседних племён, в частности скифских и сарматских. Процессы ассимиляции кочевых и полукочевых племён земледельцами-славянами, имевшими более прочную и устойчивую экономическую базу, неразрывно связаны с расселением славян и их продвижением на юг. Естественными путями расселения являлись в первую очередь реки. Это положение иллюстрируется Б. А. Рыбаковым с привлечением конкретного археологического материала на примере распространения вещей антского типа VI—VII вв. по течению Днепра к побережью Чёрного моря¹⁶. Именно в этом направлении могут быть намечены правильные пути к решению вопроса о славянах в Крыму.

Как было отмечено выше, история Крыма была неразрывно связана с общим процессом исторического развития Северного Причерноморья. Археологические памятники Восточного Крыма, Херсонеса, Неаполя Скифского, могильники горного и предгор-

¹³ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 26. Госполитиздат. 1950.

¹⁴ См. П. Третьяков. Вопросы происхождения славян в свете трудов И. В. Сталина о языке и языкознании. Тезисы докладов на сессии отделения истории и философии АН СССР и пленуме Института истории материальной культуры, посвящённых итогам археологических исследований 1946—1950 гг., стр. 18.

¹⁵ См. там же, стр. 20.

¹⁶ См. Б. Рыбаков. Ремесло древней Руси, рис. 4. М.—Л. 1948.

ного Крыма, относящиеся ко II—IV вв., свидетельствуют о наличии постоянных культурных и этнических связей Крыма с Северным Причерноморьем.

Проникновение сарматов в Крым, начавшееся в конце II в. до н. э. и продолжавшееся до II в. н. э., известно не только по письменным данным, указывающим, что сарматы играли большую роль в истории Боспорского царства. Роль сарматов прослеживается по многочисленным памятникам культуры Боспорского царства: в изменении форм мечей и кинжалов, наконечников стрел, типов фибул, браслетов, колец, в развитии полихромного стиля в ювелирном искусстве, в специфических элементах керамики, в изменении архитектуры погребальных сооружений, в распространении сарматского обычая деформации черепов¹⁷.

В Херсонесе мы можем наблюдать аналогичную картину сарматизации¹⁸. В Неаполе Скифском также обнаружен обильный сарматский материал: подбойные могилы, оружие, кольца, браслеты, зеркала, уздечные наборы и т. д.¹⁹. В могильниках горных областей Крыма мы находим деформированные черепа и погребальный инвентарь сарматского характера²⁰.

Вместе с этим материалы древних могильников, особенно Инкерманского и Чернореченского, содержат находки, поразительно близкие раннеславянской культуре Среднего Поднепровья. Славянским, очевидно, нужно признать и погребальный обряд, открытый в ряде могильников,— трупосожжение²¹. В этих находках мы можем видеть

¹⁷ См. В. Гайдукевич. Боспорское царство., стр. 410, 412, 425, 430, 475, 480—481 и другие. 1949.

¹⁸ См. Фонды Государственного Херсонесского музея. Отчёты Археологической комиссии за годы с 1891 по 1906; Херсонесский сборник II, стр. 149—256. Севастополь. 1927; дневники раскопок некрополя с 1908 по 1914 год.

¹⁹ См. В. Бабенчиков. Новый участок некрополя Неаполя Скифского. «Вестник древней истории». 1. 1949, стр. 111; е го же. Некрополь Неаполя Скифского. 1945—1949. Архив Крымского филиала АН СССР; П. Шульц. Тавро-скифская экспедиция. «Известия АН СССР», серия истории и философии, т. IV, в. 3. 1947, стр. 288—291.

²⁰ См. Г. Мосберг. К изучению могильников римского времени в юго-западном Крыму. «Советская археология». VIII, 1946, стр. 114 и сл.; Н. Печенкин. Раскопки в окрестностях г. Севастополя. «Известия Таврической учёной архивной комиссии» № 38. Симферополь. 1905, стр. 29 и сл.

²¹ См. И. Бороздин. Новейшие археологические открытия в Крыму. (Раскопки на Гераклийском полуострове), стр. 22—23, 24. М. 1925; А. Бертъе-Делагард. Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя и пещерные города Крыма: «Записки Одесского общества». Т. 14, стр. 247. Одесса. 1886; Н. Печенкин. Указ. соч., стр. 32; В. Блаватский. Ха-

первые бесспорные следы пребывания славян в Крыму. Связь Херсонеса с ранними славянами иллюстрируется погребениями в урнах гробницы № 3 из раскопок 1891 года. Среди многочисленных находок там обнаружена пара славянских фибул, украшенных красной эмалью²².

Таким образом, следует полагать, что на рубеже и в первых веках н. э., когда скифское объединение племён было разрушено пришедшими с востока сарматами и между последними и славянами установились тесные связи, славянское население начало проникать на территорию Крыма, основывая там свои поселения. Однако в тот период скифо-сарматские элементы в Крыму, несомненно, ещё господствовали.

Дальнейшая история Северного Причерноморья и Крыма привела к тому, что скифо-сарматский (по языку — североиранский) элемент потерял свою устойчивость. Язык и культура скифов и сарматов испытали сильное влияние со стороны Боспора и Херсонеса. В конце античной эпохи пагубное влияние орд положило конец существованию Неаполя Скифского и привело к покорению и поглощению гуннами скифо-сарматского кочевнического населения.

Более устойчивым, повидному, оказалось славянское земледельческое население Крыма, не терпевшее к тому же связей со славянскими областями Среднего Поднепровья. Об этом говорят находки безусловно славянских вещей середины I тысячелетия н. э., сделанные в отдельных пунктах полуострова. Для примера возьмём распространение в Крыму среднеднепровских бронзовых «пальчатых» фибул — характерного женского украшения Среднего Поднепровья VI—VII вв. нашей эры²³. Отдельные экземпляры этих фибул мы находим в Херсонесе²⁴, Артеке²⁵, Керчи²⁶ и в могильнике Суук-Су (единственном могильнике Южного берега Крыма VI—VII вв., подвергшемся серьёзным раскопкам)²⁷.

ракс. Материалы и исследования по археологии СССР, 19, стр. 262 и сл., рис. 8—14.

²² См. Отчёты Археологической комиссии 1891, стр. 139, рис. 153.

²³ См. Б. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 49—70; е го же. К вопросу об образовании древнерусской народности. Тезисы докладов и выступлений сотрудников ИИМК АН СССР, подготовленных к совещанию по методологии этногенетических исследований, стр. 19. М. 1951.

²⁴ См. Фонды Государственного Исторического музея; экспозиция Государственного Херсонесского музея.

²⁵ См. Н. Репников. Некоторые могильники области крымских готов. «Известия Археологической комиссии» (ИАК), 19, стр. 36.

²⁶ См. Экспозиция Государственного Керченского археологического музея.

²⁷ См. Н. Репников. Указ. соч. ИАК, 19, отд. I и сл., табл. VI и VII; та же работа, часть II, Записки Одесского общества, XXVII. Одесса. 1907, стр. 101 и сл., таблица I (XIII).

Очень важно, что находки славянских вещей VI—VII вв., так же как и более ранних, сделаны в одних и тех же районах, на побережье полуострова. Это свидетельствует о наличии постоянного древнего пути от Днепра по Чёрному морю на Восток — к устьям Дона и Кубани — вдоль всего побережья Крыма. Наряду с этим выясняется если не единственный, то, повидимому, главный путь первоначального расселения славян в Крыму начиная, по крайней мере, с III в. нашей эры.

Говоря о появлении славян в Крыму в III в. н. э. и о дальнейшем упрочении там славянского элемента, следует отметить, что аналогичный, но более мощный процесс расселения славян на юг имел место в Западном Причерноморье, древнее коренное население которого было фракийским. И там, на берегах Дуная, в III в. появляется ряд поселений и могильников, очень схожих по культуре со славянскими памятниками среднего Приднепровья. Здесь мы имеем в виду могильники и поселения, открытые в Маросцентанне, Альдени, Вассергейме и других местах. В дальнейшем, уже с VI в. славянские поселения возникают в нижней Мезии, в районе между нижним Дунаем и Гемусом. Ещё более многочисленные славянские племена проникают во Фракию и Македонию и поселяются там. К концу правления Ираклия (641 г.) весь Балканский полуостров был заселён славянскими племенами, поселения которых перемежались с поселениями местного фракийского и иллирийского населения. Последнее вскоре было поглощено и ассимилировано славянами, но не исчезло бесследно. В быту и культуре южных славян этнография улавливает многочисленные фракийские и иллирийские черты.

В последующий исторический период, когда возникли первые славянские княжества — Само и Великая Моравия в Чехословакии, Болгарское государство на Дунае, Прикарпатское княжество на Волыни, а затем и могущественное древнерусское государство, занявшее ведущее политическое и культурное положение в Восточной Европе, — Крым потерял своё значение наиболее развитого района Северного Причерноморья. Особенно быстрое развитие производительных сил наблюдалось в этот период на Руси. Это привело к оживлённым сношениям Руси с окружающими государствами и народами, в частности на юге Русь выходит к Чёрному морю, где вскоре и занимает господствующее положение.

Мы склонны думать, что славянское население, издавна обитавшее в Крыму, не оставалось в стороне от этих событий, а играло при всём этом активную роль. Недаром оно выступает как один из творцов русской культуры. В середине IX в. источники фиксируют в Корсуне евангелие и псалтырь, написанные на русском языке. Здесь же Константин (Кирилл) усовершенствовал первый русский алфавит. Восточный писатель второй половины IX в. Ибн Хардадбе указывает на торговлю русских купцов на Чёрном море меха-

ми и мечами²⁸. Писатель Шарзи (конец IX и начало X в.) рассказывает о торговле славянских купцов на Чёрном море, откуда они ходят в Самкарш и дальше в Азовское море и Хазарию²⁹.

В X в. всё возрастающая связь древнерусского государства с Крымом отмечена в договоре Игоря с византийским императором³⁰. Один из пунктов этого договора свидетельствует об усилиях Византии сохранить неприкосновенность «Корсуньской страны», что говорит о предшествующих попытках русского государства подчинить «Корсуньскую страну» себе. Так называемая «Записка греческого топарха» вносит дополнительное освещение в этот интересный вопрос и свидетельствует не только о выдающемся военном значении древнерусского государства в Северном Причерноморье³¹: из этого документа мы узнаём, что Святослав владел землями в Крыму, где-то неподалёку от «Корсуньской страны», и частью этих земель он наделяет топарха. Это подтверждается и топонимическими названиями одной итальянской карты Крыма, на которой отмечены два пункта по северо-западному его побережью, с наименованиями, свидетельствующими о том, что в этих местах жили славяне³². Около четверти века спустя Владимир идёт походом на Корсунь и берёт его³³. Овладение первоклассной крепостью свидетельствует о военно-политическом могуществе Руси. Возвращение Владимиром Корсуни под протекторат Византии в счёт вена за сестру императора Анну ещё больше подчёркивает второстепенное значение Византии в Крыму, ибо одновременно Владимир направил своего сына в Тмутаракань, что закрепляло Крым за древнерусским государством. Это положение Крыма имело глубокие корни в предшествующей его истории. Оно отвечало интересам самого населения, о чём свидетельствует ряд материалов и фактов: «Записка греческого топарха», перипетии осады и сдачи Корсуни, явно выявившие наличие киевской ориентации в самом городе, избиение корсуниами чиновника византийского императора за отравление русского тмутараканского князя Ростислава в середине XI в. и другие.

Ещё со времени антов прослеживаются связи славян с Боспором. Эти давние связи и постепенное накопление славянского насе-

²⁸ См. Хрестоматия по истории СССР, стр. 40—41. М. 1949.

²⁹ См. А. Гаркави. Крымский полуостров до монгольского нашествия в арабской литературе. Труды IV Арх. съезда, т. II, стр. 239 и сл. 1891.

³⁰ См. «Повесть временных лет», Т. I, стр. 37/234. Изд. АН СССР. 1950.

³¹ См. В. Васильевский. Записка греческого топарха. Труды, т. II, вып. I, стр. 136 и сл. СПб. 1909; ср. Б. Греков. Киевская Русь, стр. 269. 1944.

³² См. Ф. Брун. Берег Чёрного моря по морским картам XIV и XV столетий. Черноморье, I, стр. 91, ср. стр. 128.

³³ См. «Повесть временных лет», I, стр. 75—81/274—279.

ления в этом районе подготовили создание русского княжества на Таманском полуострове. Русское Тмутараканское княжество охватывало не только Таманский полуостров, но и значительную территорию восточного Крыма — Керченский полуостров с Корчевом и дальше на запад, включая Феодосию. Памятником, подтверждающим наличие русских земель в Крыму, является знаменитый Тмутараканский камень, рассказывающий об измерении ширины Керченского пролива князем Глебом. Берега Крыма омывались водами моря, называвшегося тогда Русским морем.

В Херсонесе-Корсуне при раскопках обнаружен ряд русских вещей XI—XIII вв.³⁴, в том числе крупное золотое височное кольцо великокняжеского периода³⁵, многочисленные бронзовые кресты с русскими надписями³⁶, наконечники ножен мечей³⁷, се-

³⁴ См. Экспозиция и фонды Государственного Херсонесского музея.

³⁵ См. «Херсонес-Корсунь». Путеводитель по раскопкам, стр. 18, рис. 8. Симферополь. 1950.

³⁶ См. там же, табл. V, А. Якобсон. Указ. соч. Материалы и исследования по археологии СССР, стр. 17, рис. 2.

³⁷ См. «Херсонес-Корсунь», табл. V; Г. Корзухина. Из истории древнерусского оружия XI в. «Советская археология». XIII, стр. 63 и сл., табл. I. Прекрасной сохранности наконечник ножен меча русской работы найден в 1951 году. Наконечник датируется первой половиной XI века. Ближайшей аналогией ему является наконечник ножен меча, изданный Г. Корзухиной

ребряные новгородские гривны³⁸, многочисленные овручские пряслица³⁹, сосуды типичной формы и техники изготовления с характерным орнаментом и клеймами на дне⁴⁰. Следует отметить также факт широкого распространения характерного для славяно-русских сосудов орнамента на гончарных изделиях корсунских мастеров начиная именно с X—XI в. вплоть до середины XIII в., когда эта орнаментация идёт резко на убыль и почти исчезает.

Процессу экономического, политического, этнического и культурного объединения Крыма с древнерусским государством мешали кочевые народы, заселявшие степи Северного Причерноморья и Крыма. Вся тяжесть борьбы с нападениями этих народов лежала на Руси. Начиная с конца X и до середины XI в. на путях Руси в Крым находились печенеги. Со второй половины XI в. печенегов сменяют половцы. Половцы занимают степи Крыма, со многих городов берут дань; они становятся ближайшими соседями Херсонеса. Монголо-татарское нашествие XIII в. в ещё большей степени оторвало Крым от Руси. Над Восточной Европой, в частности над Крымом, нависло иго татарских ханов.

Так, по нашему мнению, должен быть решён вопрос о славянах в Крыму и об отношении Крыма к древней Руси.

в указанной работе. См. «Советская археология». XIII, стр. 73, рис. I.

³⁸ См. Отчёты Археологической комиссии, 1889, стр. 14.

³⁹ См. «Херсонес-Корсунь», табл. V.

⁴⁰ См. там же, табл. VI; ср. Херсонесский сборник IV, стр. 39, рис. 7, стр. 41, рис. 8.